

*Только действительность
никогда не лжет.*

Джек Лондон

Юлька проснулась и сразу же зажмурилась от резанувшего ее неожиданно яркого света. Со второй попытки глаза все-таки удалось открыть, но только для того, чтобы им не поверить. Часы, старинные, облаченные в тяжелое обрамление из хрусталя, стоявшие на стареньком, но исправно работающем телевизоре (Юлька вчера проверила), показывали пять пятнадцать. Утра, разумеется. В такую рань с детства слышавшая совой Юлька не вставала никогда. А сегодня — на тебе, проснулась.

Бившее в окно нахальное июньское солнце честно признавалось, что причина столь раннего пробуждения кроется именно в нем. Оно и разбудило, чего стесняться? Попытавшись снова зажмуриться, чтобы погрузиться в блаженную темноту и еще немного поспать, и не достигнув успеха, Юлька распахнула глаза, ни в одном из которых не было сна, вздохнула и откинула одеяло.

Оно тоже было тяжелым, пуховым. Спать под ним даже в летнюю жару было не жарко и отчего-то уютно. Одеяло словно отрезало от окружающего мира со всеми его бедами. Вспомнив про беды, Юлька по-ста-

рушечьи вздохнула еще раз. Именно от них она и сбежала в деревню, чтобы укрыться от посторонних глаз. Глаза были сочувствующими, недоумевающими, злорадствующими, ехидными или тоскливыми. Но от них от всех Юльке одинаково хотелось забиться в дальний угол, завывать, как брошенной на произвол судьбы побитой собаке, в одночасье потерявшей хозяина, сложить лапы и тихо издохнуть.

Позволить себе издохнуть она не могла из-за родителей, а вот все остальные пункты обязательной программы вполне себе просматривались. Для их воплощения в жизнь нужно было только найти, куда спрятаться. Юлька и нашла, прочитав газету бесплатных объявлений. Вообще-то она планировала снять на лето дачу, куда можно было бы сбежать, как Чацкому, «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов», чтобы в одиночку зализывать раны. Но увидела, что продается деревенский дом, пусть и не в Саратове, но все-таки в глуши, и приняла неожиданное для себя самой решение его купить.

Деревенских корней у их семьи отродясь не водилось, поэтому решение казалось идиотским, как прямо и сказала мама, но в Юлькиной жизни уже было столько идиотизма, что один дополнительный ничего не решал, и дом она купила. Крепкий, с подполом и огромным чердаком, заваленным какой-то рухлядью, да еще и участок в семнадцать соток, к которому прилагалась основательная, хотя и несовременная баня, обошелся всего в двести восемьдесят тысяч рублей.

По нынешним временам это было почти что даром, поскольку земля в деревне Сазоново, где распо-

лагался дом, стоила от сорока до пятидесяти тысяч за сотку. Именно по такой цене продавались голые участки, нарезанные на окраине деревни, где всюду строился новый коттеджный поселок.

Юлькин дом, конечно, стоял в «старой» части Сафонова и не на первой линии от реки. Но до засыпанного белым песком пляжа нужно было пройти метров пятьсот, а до ближайшего, «дикого», но тихого и неглубокого спуска к Волге напрямки по тропинке, выходящей между соседскими участками, было и вовсе метров сто пятьдесят. До райцентра с его магазинами, рынками и прочей «цивилизацией» Юлька доезжала минут за семь, асфальт простирался до самого порога, поэтому дом стоил подозрительно дешево, и, оформляя документы, новая хозяйка все ждала какого-то подвоха.

Ей казалось, что она не все поняла и в последний момент выяснится, что она должна владельцу еще тысяч семьсот, если не миллион. Таких денег у нее не водилось, она и двести восемьдесят тысяч одолжила у подруги Веры, которая дала их со словами «вернешь, когда сможешь». Когда она «сможет», Юлька не знала, но обещала расплатиться за год максимум. Так что ни о какой доплате за дом речь идти не могла. Но доплата и не потребовалась.

Продающий дом владелец, сухонький жилистый старичок семидесяти шести лет, нервничал не меньше Юльки и все твердил, что сделку ему нужно оформить быстро, деньги получить сразу и наличными, потому что он должен уехать. Как поняла Юлька, к детям. Хотя она не уточняла. Старичок и его семья были ей неинтересны.

Старичок дрожал, вот как сильно волновался. Ручка прыгала в его трясущихся пальцах, и деньги он схватил, даже не пересчитав. Было это так странно, что Юлька напряглась, но работающая юристом Вера проверила все документы, и по всему выходило, что подвоха никакого нет и старый дом вместе с семнадцатью сотками, раскидистыми яблонями в саду и почерневшей от времени баней теперь действительно принадлежат Юльке, то есть Юлии Валерьевне Асмоловой, тридцати двух лет от роду, вчера еще степенной замужней даме, а сегодня брошенке и почти разведенке.

Сделка была оформлена два дня назад, и Юлька сразу же спросила владельца, теперь уже бывшего, когда она может заехать. Он хмуро посмотрел на нее, взгляд из-под кустистых бровей а-ля Брежнев неожиданно резко полоснул по лицу, пробурчал, что уедет сегодня же вечерним поездом, поэтому новая хозяйка въезжать может хоть завтра, пробормотал что-то еще, неразборчивое, из чего Юлькино ухо выхватило только слово «привидение».

Привидений Юлька не боялась. После всего, что случилось с ней за последний месяц, она точно знала, что бояться нужно живых, реальных людей из плоти и крови, близких и родных, внезапно ставших чужими и страшными, почище любого вампира. Мелькнула было мысль, что дед дом продает так быстро и дешево оттого, что в нем поселилось привидение, но тут же ускользнула, потому что была глупой и неконструктивной.

Сделку оформляли в райцентре. Оттуда Юлька вернулась домой, в свою аккуратную квартиру в са-

мом престижном районе их регионального центра. Квартиру они с мужем купили в ипотеку всего два года назад и страшно ею гордились. Здесь все было до последней мелочи продумано и выстроено так, чтобы было удобно жить, проводить совместные тихие вечера, делиться рабочими проблемами, строить планы на выходные и на отпуск, надеяться на то, что когда-нибудь появятся дети.

Сейчас стены давили так сильно, что грозили погresti под собой не только рухнувшие надежды, но и саму Юльку. Перспектива провести тут хотя бы одну лишнюю ночь страшила гораздо сильнее, чем неведомая пока жизнь в чужом деревенском доме. Весь вечер Юлька собирала вещи, чтобы продержаться в своем новом владении месяца три без необходимости возвращаться. Утром всласть выпалась, загрузила нехитрые пожитки в машину, решительно перекрыла газ и воду и заперла дверь, оставив за ней свою прошлую жизнь.

Плакать хотелось очень сильно, но Юлька не стала. Зачем, если слезами делу не поможешь? Старая телефонная симка, верой и правдой прослужившая ей полтора десятка лет, тоже осталась за запертой дверью. Новый номер знали только родители и Вера, никого другого брать в свою деревенскую жизнь Юлька не собиралась. С работодателем она общалась в Интернете и не переставала благодарить Бога за то, что работодатель у нее именно такой, современный, мудрый, все понимающий и вообще самый лучший на свете.

Работала Юлька художницей. Придумывала и рисовала персонажей для компьютерных игр, и фирма,

в которой она трудилась, была не только самой крупной и известной в стране, но и входила в тройку мировых лидеров, даром что располагалась в областном центре далеко за пределами Садового кольца. Сотрудникам здесь на выбор полагали либо удобный, комфортный, ультрасовременный офис, в который Юлька с удовольствием ходила в прошлой жизни, либо работу на «удаленке», на которую она сейчас и перешла, смутно надеясь, что за три месяца в сельской глуши сможет сэкономить существенную часть зарплаты, чтобы начать отдавать долг Вере.

Вещей она взяла с собой самый минимум. Двое шортов, три сарафана, трое джинсов, четыре футболки, один свитер и одну толстовку, непромокаемую куртку, кроссовки, балетки, сланцы и резиновые сапоги. До середины сентября должно было хватить.

На свой участок она добралась только к пяти вечера, поскольку еще заезжала на рынок в райцентре, где запаслась десятью пятилитровками питьевой воды, тушенкой, подсолнечным маслом, сахаром, мукой, сухими дрожжами, чаем и кофе – молотым для себя и растворимым на тот случай, если на огонек заглянут соседи. Соседи ей, конечно, были не нужны, но о деревенском гостеприимстве, а точнее, назойливости, она была наслышана, а потому считала необходимым приготовиться. Не ссориться же с соседями, с которыми предстоит прожить бок о бок три месяца!

В доме точно был холодильник, поэтому Юлька еще купила несколько килограммов мяса и большого судака. Конечно, до рынка можно было доехать в любой момент, но решившая сэкономить Юлька вовремя вспомнила о кусающихся нынче ценах на бензин,

а потому к вопросу обеспечения себя продовольствием отнеслась серьезно, затарившись еще помидорами и огурцами и решив, что картошку, морковку, капусту и молочные продукты она наверняка приобретет у кого-нибудь из местных.

Загнав машинку на участок, огороженный хлипким деревянным штакетником, она долго разгружалась, носила вещи в дом, пристраивала их на новое место жительства, застилала высокую железную кровать с металлическими шпешечками чистым бельем, тоже захваченным из дома. Извлекала на белый свет свои любимые чашки, ложки и тарелки, потому что из чужих пить-есть брезговала.

В доме было довольно стыло и чуть пахло сыростью. Затопить печь Юлька побоялась, чтобы с непривычки не угореть. Этому нехитрому искусству еще предстояло научиться, а пока она воткнула в розетку предусмотрительно захваченный из дома электрический обогреватель, с удовлетворением оглядела оставшееся ей в наследство от старых хозяев пуховое одеяло, натянула спортивный костюм и шерстяные носки, деловито проверила, работает ли телевизор, вскипятила на газовой плите старый чайник со свистком — привет из давно забытого прошлого, сделала бутерброды с паштетом и уселась на крылечке пить чай и обдумывать свое новое житье-бытье.

— Ты кто ж такая будешь? — Из-за штакетника, отделяющего Юлькин участок от соседского, торчала завитая мелким бесом пергидрольная голова неустановленного возраста. По виду ей могло быть от сорока до семидесяти. — Или у Кириллыча родственница какая объявилась?

Алексеем Кирилловичем звали старичка, продавшего Юльке дом. И родственники у него какие-то наверняка были, уехал же он к кому-то доживать свой старческий век, вот только к Юльке это никакого отношения не имело.

– Нет, я Алексею Кирилловичу не родственница! – крикнула Юлька, потому что встать и подходить поближе было лень. Да и разговаривать с теткой не хотелось. – Я у него дом купила. Вчера, – уточнила она. – Вот теперь буду тут жить.

– До-о-ом... Купила-а-а-а, – протянула тетка, видимо, осмысливая полученную информацию. – А чего это Кириллыч дом-то продавать надумал? И не говорил ничего... Дорого продал-то?

– По деньгам, – отрезала Юлька, в планы которой не входило обсуждать ту подозрительно низкую сумму, в которую ей обошлось новое владение. – Как бы то ни было, я теперь ваша соседка. Меня Юлия зовут.

– Ишь ты, Юлия, – пробормотала пергидрольная голова. – А ты тут с кем жить-то собираешься? Муж-то у тебя имеется?

При слове «муж» в голове словно взорвалась небольшая петарда, и сразу стало горячо-горячо. Так горячо, что Юлька даже застонала тихонько.

– Муж в длительной командировке, – ответила она, проталкивая лживые слова сквозь стиснутые зубы. – А я решила провести лето на природе. Можно?

– Так отчего же нельзя? – милостиво согласилась голова. – Вот только одной в деревне-то не сахар. Мужские руки в хозяйстве ой как нужны! Ну ты того, обращайся, если что надо. Меня, кстати, Ирина Сергеевна зовут. А мужика моего – Игорь Петрович. Ты

только это, — она понизила голос, — если чего у мужика моего попросишь, водкой не расплачивайся, только деньгами. Поняла?

— Что? — оторопело спросила Юлька. — Какой водкой? У меня никакой водки и нету.

— У тебя нету, в магазине есть, — она так и сказала, магазин с ударением на второй слог. — В общем, смотри, я тебя предупредила.

Только сейчас до Юльки дошло, что то, что она приняла за предложение соседской помощи, на самом деле было рекламой услуг. Никто не собирался помогать ей «по хозяйству» бесплатно. Юльке на мгновение стало смешно от своей наивности, но веселье тут же сменилось легкой тревогой: а хватит ли ей при таком раскладе денег, которые она так предусмотрительно собиралась откладывать, чтобы рассчитаться с долгом? Шут знает, какой тут у них преёскурант.

Внезапно Юлька почувствовала, что очень устала.

— До завтра, — вежливо сказала она Ирине Сергеевне и поднялась со ступенек.

Та немного озадаченно смотрела ей вслед.

В доме Юлька включила свой макбук, которым страшно гордилась. Яблочко на крышке засветилось драгоценным опалом, будто улыбаясь хозяйке. Быстро пробежав пальцами по клавиатуре, Юлька загрузила нужные программы и провалилась в выдуманный мир сказочных персонажей, словно нырнув с головой на дно глубокого и очень чистого пруда.

Во время работы она чувствовала себя немного Ихтиандром. Словно открывались жабры, позволяющие жить и дышать под толщей воды, надежно отделяющей от окружающего мира. «Вихри враждебные